

MEMORIA NOMINIS CLARA¹

Действующие лица:

Клара — молодая женщина-художник.

Лёва — ее муж-художник, в пьесе появляется в возрасте молодого мужчины и старика.

Ларка — девочка-подросток, правнучка Лёвы, решившая пойти по его стопам.

Юноша — почти мальчик, немного странный и потерянный, внешне похож на Лёву.

Примечание. Действующие лица играют два актёра (Клара/Ларка и Лёва/Юноша).

Место и время действия:

Действие пьесы происходит в Минске, в овраге Нижнего города, который позже стал известен как «Яма». Это место, где во время погрома 2–3 марта 1942 года, унесшего около 5000 жизней, убивали евреев из Минского гетто. В 1947 году в «Яме» был установлен мемориал жертвам Холокоста.

Время действия — март 1941 года, март 1942 года и наши дни, которые переплетаются с воспоминаниями и снами действующих лиц. Все действующие лица являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

1.

Раннее утро и бледный свет. Всё окутано молочно-серой пеленой, в которой можно легко потеряться. Пелена колышется, ее пронизывает тихий, но навязчивый шепот.

Сквозь пелену видно лестницу, по которой спускается Лёва-старик — на плече у него этюдник. Внутри пелены Лёва выбирает себе место, ставит этюдник и сосредоточенно рисует, не сверяясь с тем, что его окружает. По действиям Лёвы видно, что он был здесь множество раз и каждое движение давно вошло у него в привычку.

Снаружи, по внешнему краю пелены, кругами и тоже с этюдником бродит правнучка Лёвы — Ларка, она неуверенно и сердито оглядывается по сторонам. Лёву она то ли не видит, то ли намеренно не замечает. Тем не менее Ларка раскладывает свой этюдник напротив Лёвы, сама всё еще оставаясь снаружи пелены.

Лёва видит Ларку, откладывает инструменты и вытирает руки. Он подходит к Ларке ближе и молча наблюдает за ней из-за пелены. Ларка пристально смотрит в свой этюдник, но ничего не рисует. Шепот становится громче — Ларка поднимает голову и в упор смотрит на Лёву.

ЛАРКА. Предатель.

Лёва молчит, Ларка хлопывает этюдник.

¹ Оригинальная редакция 2020 года.

ЛАРКА. Ты — предатель. Как ты мог бросить их? Ну? Скажи мне. Мне ты можешь сказать? Почему ты их бросил?

Лёва возвращается к своему этюднику, Ларка остается на месте.

ЛАРКА. Отлично! Ты всегда так. Всегда и только так.

Лёва берет свой этюдник и переставляет его, поворачиваясь к Ларке спиной. Ларка нервно ходит по внешнему краю пелены, но не приближается к Лёве.

ЛАРКА. Ну конечно. Так же проще. Всех обвинить — прикинуться жертвой... А ты о них подумал? Что с ними стало, ты подумал?

Ларка останавливается и смотрит Лёве в спину.

ЛАРКА. А знаешь, кто ты? Ты трус, дед. Вот ты кто.

Лёва не оборачивается и продолжает рисовать. Шепот усиливается, Ларка пытается перекричать его.

ЛАРКА. Ты не можешь быть здесь! У тебя нет права на это место! Нет у тебя этого права! Никогда не было! И не будет уже никогда!

Лёва всё еще рисует, пелена сгущается — теперь шепот оглушительен. Лёва исчезает, а Ларка хватая свой этюдник в охапку и проходит пелену насквозь — шепот стихает.

2.

Всё еще утро. Тот же свет и пелена, но тихо. Внутри пелены на нижней ступеньке лестницы сидит Юноша — он растирает руки и рассеянно смотрит перед собой.

Наверху лестницы появляется Ларка, в руках у нее снова этюдник. Ларка нерешительно смотрит вниз и как будто к чему-то прислушивается. По-прежнему тихо — и Ларка успокаивается, спускается в пелену и садится рядом с Юношей. Они молча сидят, не глядя друг на друга. Ларка достает из этюдника эскизы и зябко пожимает плечами.

ЮНОША. Весна началась неправильно. Та весна. Да и эта, судя по всему, тоже. Хотя дело, конечно, не в весне. В Минске каждая весна так начинается. То есть не начинается вообще. По календарю вроде бы уже должна прийти, а кажется, что не придет уже никогда. Так что если вдуматься, неправильно было с самого начала. Наверное, с пожара в мастерской. Ведь прадед тогда уехал... Или всё-таки раньше?

Ларка смотрит то в эскизы, то по сторонам. Она раскладывает эскизы между собой и Юношей, но он по-прежнему смотрит только вперед. Ларка ставит холст и рисует.

ЮНОША. Прадед художником был. После того, как он вернулся в Минск, всю жизнь рисовал одно и то же место — это место, вот здесь. Композиция всегда одна и та же, только люди разные. Его семья. Только там нет жены прадеда — моей прабабушки. Почему-то он никогда не рисовал ее. Я всё пытался представить, какая она была. Думал даже, сам ее нарисую. Но всё что-то никак... Я мог бы представить из нашей семьи кого угодно, а ее почему-то — нет. Ее как будто нет. То есть я знаю, конечно, что она была. Я же есть? И все до меня — тоже. Но от нее ничего не осталось. Даже фотографии нет. Только имя ее знаю.

Клара. Клара — и всё... Но разве можно представить ее по одному имени? А если я представлю ее не так? Что если я ее выдумаю, а она на самом деле совсем другая была? Как я проверю? Что если я случайно изменю какую-нибудь деталь? Может быть, совсем не существенную. Но разве это будет она? Будет ли это та самая Клара? Моя прабабушка, которая родилась в этом городе... Гуляла по его улицам... Потом прадеда встретила, когда он сюда приехал... Влюбилась в него, а он — в нее... Или это будет другая Клара?

Ларка роняет инструменты и закрывает лицо руками. Юноша вздрагивает, поворачивается к Ларке и удивленно смотрит на нее.

ЮНОША (*через паузу*). Кто тебя обидел?

Ларка не отвечает и плачет. Юноша колеблется, а затем осторожно заглядывает Ларке в лицо.

ЮНОША (*ласково*). Ну? Скажи мне.

Ларка мотает головой. Юноша хочет стереть слезы с ее щеки, но Ларка отклоняется.

ЮНОША. Мне ты можешь сказать.

Ларка резко поворачивается к Юноше и вглядывается в его черты.

ЛАРКА. Кто ты такой, чтобы... Чтобы...

Ларка снова плачет и смотрит в сторону.

ЮНОША. Чтобы что?

Ларка не отвечает, упрямо мотая головой.

ЮНОША. Чтобы что?

Ларка вытирает лицо, встает на ноги и собирает эскизы.

ЮНОША. Кто я такой, чтобы что?

Ларка протягивает эскизы Юноше.

ЛАРКА. На, забирай. Можешь делать с ними, что хочешь.

Юноша растерянно переводит взгляд с эскизов на Ларку.

ЮНОША. За что ты так со мной?

Ларка бросает в Юношу эскизами, собирает свой этюдник и вешает на плечо.

ЮНОША. Отлично! Ты всегда так? Всегда и только так?

Ларка быстро идет вверх по лестнице и уходит.

ЮНОША. Ну конечно. Так же проще. Всех обвинить — прикинуться жертвой...

Юноша собирает эскизы, рассматривает их и вдруг вскакивает.

ЮНОША. У тебя нет права на это...

Юноша оборачивается к пустой лестнице.

ЮНОША. У тебя нет права на это всё. Это ведь... Это...

Юноша стоит один, а потом садится и беспокойно оглядывается.

ЮНОША. Это неправильно. Так — неправильно.

Юноша опускает голову, снова смотрит на эскизы и перебирает их.

ЮНОША. Почему прадед никогда не рисовал ее? Почему он никогда не рисовал Клару? Жалко, уже не спросишь. Его я ведь тоже не знал... Мы с ним, вроде как, похожи. Меня даже хотели назвать в его честь. Ну то есть, сначала меня хотели назвать в его честь. А уже потом оказалось, что я вроде как на него похож. Художником я тоже хотел стать в его честь... Не получилось. Наверное слишком боялся. А может, старался слишком. Доказать что-то старался. Чтобы не подражать. Чтобы тенью его не стать... Хотя с другой стороны, какая разница, чей я правнук? И какая разница, каким художником был прадед? Но всё равно будут сравнивать. Будут мерять по его таланту. И ни единого шанса доказать, что я имею право быть кем-то еще. Не его правнуком, а собой. Так что я решил, что не буду художником... Зато теперь я могу спокойно воспринимать то, что делал он. Хранить память о нем. И память, которую он успел передать мне. Пускай мы и не виделись никогда.

Юноша складывает эскизы в аккуратную стопку, а потом со злостью отшвыривает. Он понуро сидит какое-то время, а потом поднимает лицо и щурится на свет.

ЮНОША. Нет, я очень горжусь тем, что он — мой прадед. Только быть правнуком знаменитого художника — адский труд. Сжигает изнутри. Проще вообще не быть.

Юноша бережно собирает эскизы в тающей пелене.

3.

Полдень, пелена совсем развеялась, но по-прежнему серо. Молодой Лёва стоит рядом со своей женой Кларой, перед каждым по этюднику.

Клара хмурится и сосредоточенно рисует, часто сверяясь с тем, что ее окружает. Лёва ничего не рисует и только скептически оглядывается по сторонам. Клара старается не смотреть на Лёву. Лёва замечает это и с насмешливым видом становится перед Кларой, загораживая ей вид.

ЛЁВА. Клара, признайся, что ты еврейка.

Клара смещает этюдник в сторону и молча продолжает рисовать.

ЛЁВА. Что? Ты разве обиделась? Только что же в этом плохого?

КЛАРА (*через паузу*). Лёва, я на твои шутки отвечать больше не буду. У меня и так сердце большое.

ЛЁВА. Да я и не шучу совсем. А сердце твое, между прочим, берегу неустанно.

КЛАРА (*через паузу*). Я не еврейка.

ЛЁВА. Тебя называли в честь Цеткин!

КЛАРА. При чем тут Цеткин?

ЛЁВА. При том, что она тоже еврейка!

КЛАРА. Цеткин не еврейка, это муж у нее — тот еще еврей.

ЛЁВА. Не шути со мной так, Клара!

КЛАРА. Я не шучу, это ведь правда. У Цеткин муж — еврей.

ЛЁВА. Совсем как у тебя!

Лёва целует Клару, а потом возвращается к своему этюднику и берется рисовать.

КЛАРА. Вот интересно, Лёва, почему про евреев шутить только тебе можно?

ЛЁВА. Потому что я сам — еврей. А вот тебе никак нельзя, раз ты не еврейка. Так что не будем больше шутить.

КЛАРА. Никогда?

ЛЁВА. Нет, уже никогда. Хотя подумай хорошенько. Может, ты всё-таки еврейка?

КЛАРА. Я никакая не еврейка, и ты прекрасно это знаешь. Я белоруска, Лёва.

ЛЁВА (*фыркая*). Белоруска! Да у вас здесь, в Минске, одни евреи живут!

КЛАРА. Неправда.

ЛЁВА. Ты имеешь что-то против?

КЛАРА. Лёва, ну ты опять? Вот ты говоришь — одни евреи. А на самом деле через реку — старое русское кладбище. А вон там — уже Татарские огороды. А еще дальше — Ляховка, там поляки живут, ты не знаешь? Вот я только не знаю, где цыгане у нас живут. На рынке-то я их часто вижу, а вот где же они селятся?

ЛЁВА. Цыгане — ладно. А вот ответь мне, Клара, где в Минске белорусы живут?

КЛАРА. То есть как «где»? Белорусы повсюду.

ЛЁВА. Ну у них же тоже должно быть какое-то особое место.

КЛАРА. Зачем белорусам особое место в Минске? Это белорусский город, Лёва.

Лёва смеется.

КЛАРА. Что? Минск — белорусский город. И я — белоруска.

ЛЁВА. Клара, ну какая ты белоруска? Ты даже на языке своем не говоришь.

КЛАРА. Разве это так обязательно, чтобы быть белоруской? Ты разве говоришь на идише, чтобы быть евреем?

ЛЁВА. Как я могу говорить на идише, если я говорю с тобой? Ты не поймешь ничего!

КЛАРА. Но ты ведь от этого не перестаешь быть евреем. Так почему я не могу так же?

ЛЁВА. Потому что важно не то, на каком языке ты говоришь, а на каком думаешь. Вот ты, Клара, думаешь на каком языке?

КЛАРА (*через паузу*). Мне надо подумать.

ЛЁВА. Вот видишь? Тебе надо подумать. А тут и думать нечего, ты же и так всегда знаешь, на каком языке думаешь.

КЛАРА. Но это от ситуации зависит. Вот сейчас о тебе я думаю на одном языке. А о городе, например, я всегда думаю совсем на другом.

ЛЁВА. То есть я — чужой для тебя и для твоего города? Клара, иногда мне кажется, что ты свой город любишь больше меня.

КЛАРА. А мне вот иногда кажется что ты не любишь ни мой город, ни меня.

ЛЁВА. Ты очень глупая, Клара. Я люблю твой город. Очень люблю, пока в нем есть ты.

Клара подходит к Лёве и обхватывает его сзади. Лёва продолжает рисовать.

КЛАРА. Я так рада, что ты снова рисуешь. Лёва, прости меня, пожалуйста, за то, что я тебе утром наговорила. Я это зря. Скажи, ты на меня больше не сердишься?

ЛЁВА. Ерунда.

КЛАРА. Точно?

ЛЁВА. Категорически!

КЛАРА. Это хорошо. Послушай, Лёва. Мне ведь поговорить с тобой надо.

ЛЁВА. А сейчас мы разве не разговариваем?

КЛАРА. Сейчас мы не о том разговариваем.

ЛЁВА. Вот кстати, почему ты не спросила, на каком языке думаю я?

КЛАРА. Потому что это, кажется, и так понятно.

ЛЁВА (*с досадой*). Нет, не понятно. Спроси меня.

КЛАРА. Я о другом хочу с тобой поговорить.

ЛЁВА. Спроси меня. А потом поговорим о другом.

КЛАРА (*через паузу*). На каком языке ты думаешь, Лёва?

ЛЁВА. Вот именно, Клара! На каком языке я могу думать, если я художник? Я же образами мыслю. Подумай, как хорошо! Мне не нужно решать, на каком языке думать обо всём, что я люблю.

Клара отпускает Лёву, идет к своему этюднику и перебирает инструменты.

ЛЁВА. В чем дело?

КЛАРА. Ни в чем.

ЛЁВА. Ну что опять не так?

КЛАРА. Ты болван — вот что.

Лёва подходит к Кларе и начинает рисовать в ее этюднике.

КЛАРА. Теперь переделывать придется.

ЛЁВА. Но ты же еще толком не начала.

КЛАРА. Всё равно переделаю.

ЛЁВА. Поздно! Эта картина уже закончена. И к тому же она совершенна!

КЛАРА. Лёва, ты болван.

ЛЁВА. С какой стати?

КЛАРА. С такой, что ты вечно спешишь и не видишь главного.

ЛЁВА. Разве? С формой вроде угадал. Да и по тону всё верно.

КЛАРА (*через паузу*). Ты болван, Лёва!

Лёва хмурится и возвращается к своему этюднику. Клара поправляет свой холст.

КЛАРА. Какой свет плохой!

ЛЁВА. Дело вовсе не в свете. Вот объясни мне, Клара. Зачем ты меня сюда привела? Место для пленэра, знаешь ли, так себе.

КЛАРА. Я хотела порисовать город.

ЛЁВА. Город? Это же просто овраг. Яма!

КЛАРА. Нет, не просто, Лёва.

ЛЁВА. Хочешь сказать, я опять не вижу главного?

КЛАРА. Видимо, так.

ЛЁВА. Ну тогда объясни мне.

КЛАРА (*через паузу*). Ты только пообещай, что не будешь смеяться.

Лёва пожимает плечами. Клара начинает ходить кругами.

КЛАРА. Понимаешь, Лёва... Это место... Оно как будто... Как будто мое.

ЛЁВА. Я слышу крамольные речи! Клара, как можно присвоить себе целое место?

КЛАРА. Какой ты приземленный, Лёва! Я ведь здесь всё очень остро чувствую. Всё, что было и что есть.

ЛЁВА. А то, что будет?

КЛАРА. Для этого мне достаточно посмотреть на твою самодовольную физиономию.

ЛЁВА. Я польщен!

Клара закрывает глаза и распахивает руки.

ЛЁВА. Что ты делаешь?

КЛАРА. Я чувствую связь времен, Лёва. Неужели не понятно?

ЛЁВА. В этой яме? Ей-богу, Клара, лучше бы мы с тобой в Верхний город пошли. Оттуда хоть что-то видно.

КЛАРА. Не знаю, там я ничего не чувствую. Туда все ходят и мне как будто ничего не остается. А это место особенное. Есть здесь что-то. Как будто что-то важное именно для меня. И так тихо, безмятежно... А в Верхнем городе сегодня только ветер сильнее. Простудиться можно. А мне теперь никак нельзя.

ЛЁВА. Что это значит?

Клара открывает глаза и внимательно смотрит на Лёву.

КЛАРА. То, что ты — болван, Лёва. Только и всего.

Клара идет к этюднику и сердито рисует. Лёва подходит к Кларе и обнимает ее.

ЛЁВА. Клара... Я люблю тебя, Клара!

Лёва хочет снова поцеловать Клару, но она отстраняется от него и отворачивается.

КЛАРА. Ты другое что-то хотел сказать.

ЛЁВА. Что я хотел сказать, уже сказал только что.

КЛАРА. Что ты хотел сказать, Лёва?

ЛЁВА. Что здесь тоже, между прочим, сквозняк. Хотя нет, всё-таки, что я люблю тебя.

КЛАРА. Нет, ты другое что-то хотел сказать.

ЛЁВА. Клара, разве это так важно сейчас?

КЛАРА. Конечно важно.

ЛЁВА. Что может быть важнее того, что я люблю тебя?

КЛАРА. То, что я ребенка жду.

Лёва быстро разворачивает Клару к себе лицом.

ЛЁВА. Как ребенка? Нельзя же!

КЛАРА. Что нельзя, Лёва?

ЛЁВА. Ты разве забыла?

КЛАРА. Забыла что?

ЛЁВА. Тебе нельзя. Врач же прошлой осенью говорил. Нельзя ребенка. Это неправильно. Так — неправильно.

КЛАРА. Почему?

ЛЁВА. Ты сама знаешь.

КЛАРА. Глупости.

ЛЁВА (*через паузу*). Этого ребенка не будет.

КЛАРА. Как ты смеешь?

ЛЁВА. Я сказал, этого ребенка не будет.

КЛАРА. Отлично! Ты всегда так. Всегда и только так.

ЛЁВА. Да ты же сама знаешь, чем всё может закончиться.

КЛАРА. Может быть, ты позволишь мне самой решать?

ЛЁВА. Опять?

КЛАРА. Что «опять», Лёва?

ЛЁВА. Ты же всё всегда сама решаешь. Ты даже за меня решаешь, Клара. Ты и дома всё решаешь за меня, и даже когда я работаю, почему-то ты решаешь. Я подумать не успеваю, как ты уже всё решила.

КЛАРА. Может, тебе просто надо думать быстрее?

ЛЁВА (*через паузу*). Хорошо. Решай сама.

Лёва отходит к своему этюднику и складывает его.

КЛАРА. Уже решила.

ЛЁВА. Так зачем тебе тогда я?

КЛАРА. И правда, незачем.

ЛЁВА. Клара, ты уверена?

КЛАРА. Уверена.

ЛЁВА. Хорошо подумала? Окончательно решила?

Лёва начинает складывать этюдник Клары, но Клара останавливает Лёву.

КЛАРА. Окончательно.

ЛЁВА. И сердца тебе не жалко?

КЛАРА. Чьего сердца, Лёва?

ЛЁВА. Уж явно не моего. На него тебе, видно, плевать.

КЛАРА. Лёва, ты собирался куда-то.

ЛЁВА (*через паузу*). На сквозняке хотя бы не стой. Простудишься.

Лёва забирает свой этюдник и уходит.

КЛАРА. Лёва, ты трус.

Клара стоит одна, обхватив себя за плечи.

4.

Вечереет. Очень пасмурно, хотя еще не поздно. Ларка спускается по лестнице, ставит этюдник и начинает рисовать. Сгущается пелена — рядом с Ларкой возникает Юноша. У Юноши в руках эскизы — он сверяет их с тем, что в своем этюднике сейчас рисует Ларка.

ЮНОША. Зачем ты пришла?

От неожиданности Ларка роняет инструменты и сердито смотрит на Юношу.

ЛАРКА. Порисовать решила. Вырисовать это всё решила. Не могу больше.

Ларка снова рисует, а Юноша устраивается внизу лестницы и раскладывает перед собой эскизы. Юноша берет спички и зажигает по одной, освещая эскизы.

ЮНОША. Правильно. Труд освобождает.

Ларка поворачивается к Юноше.

ЛАРКА. Ты дурак?

ЮНОША. В смысле?

ЛАРКА. Вообще-то у меня прабабушка в Освенциме была.

ЮНОША. Это тут при чем?

ЛАРКА. Ты разве не знаешь? Там же на воротах надпись.

ЮНОША. Какая надпись?

ЛАРКА. «Труд освобождает».

ЮНОША (*через паузу*). Прости. Я не это имел в виду... Но ты ведь не еврейка?

ЛАРКА. То есть, если я не еврейка, то у меня и права говорить об этом нет? Как будто в Освенциме только евреи одни были.

ЮНОША. Твоя прабабушка там погибла?

ЛАРКА. Выжила. Она там выжила. После войны в Минск вернулась... Чтобы потом от сердечного приступа умереть.

Ларка снова становится за этюдник и резкими движениями делает набросок.

ЮНОША. От сердечного приступа?

ЛАРКА. Да. Не пережила разочарования.

ЮНОША. Какого разочарования?

ЛАРКА. Не важно.

ЮНОША. А как она туда попала?

ЛАРКА. Куда?

ЮНОША. В Освенцим.

Ларка откладывает инструменты и вытирает руки. Юноша продолжает жечь спички по одной.

ЛАРКА. Да она девочка совсем была. Ей наверное и шестнадцати не было. В подпольщицу решила сыграть. Здесь, в Минске. На танцы какие-то пошла, кого-то они там вербовать собирались или еще что-то. А потом облава, ее со всеми забрали... Так хорошо в камере женщина была. Молодая еще совсем, только после допроса уже... Она сказала прабабушке, чтобы та ни в чем не признавалась. Сказала: «Плачь, маму зови». И всё. Иначе ее бы уже на следующее утро убили... У нее же волосы были — темные такие. И черты лица... Как будто немного...

ЮНОША. ...На еврейку похожа.

ЛАРКА. Ну не то чтобы. Она русская была... Они же с отцом в Минск только в тридцать девятом переехали. А в сорок первом, как только немцы в город пришли, он в первые же дни без вести пропал. А она осталась... Одна осталась. Хорошо хоть не убили. Хотя не скажешь, что повезло, но она хотя бы выжила. Наверное, если бы не та женщина, так точно убили бы.

ЮНОША. А сама та женщина что?

ЛАРКА. Не знаю. Под утро ее забрали. Она вроде помогала детей спасать... Из гетто. Убили наверное. Расстреляли. Или повесили. Казнили, в общем.

ЮНОША. Тебе это прабабушка рассказывала?

ЛАРКА. Нет, я ее не знала.

ЮНОША. Я свою тоже.

ЛАРКА. Как ее звали?

ЮНОША. Клара.

ЛАРКА. Правда? Моя тоже была Клара. Меня назвали в ее честь.

ЮНОША (*через паузу*). У нас ведь с тобой разные прабабушки?

Ларка беспокойно смотрит, как Юноша продолжает жечь спички над эскизами.

ЛАРКА. Может быть хватит?

ЮНОША. Хватит что?

ЛАРКА. А что ты делаешь?

ЮНОША. Да свет плохой. И холодно совсем.

ЛАРКА. Ну так иди домой.

ЮНОША. Не могу. Моя семья погибла здесь.

ЛАРКА (*через паузу*). В смысле «твоя семья»?

ЮНОША. Ну, кроме прадеда, конечно. Только он выжил... Смешно. Он ведь выжил только благодаря тому пожару. Хотя нет. Совсем не смешно. Остальных всех убили.

ЛАРКА. А ты тогда как?

ЮНОША. То есть?

ЛАРКА. Ты сказал, что всю семью прадеда убили. Но ты же есть?

Юноша хмурится.

ЛАРКА. У него другая семья до войны была?

ЮНОША. Почему другая? Семья всегда семья и есть.

Юноша отворачивается и зло трет кулаком глаза.

ЛАРКА. Что с тобой?

ЮНОША. Дым. Глаза ест.

Ларка наблюдает, как Юноша зажигает очередную спичку.

5.

Закат. По лестнице с этюдником спускается Лёва-старик. Он привычными движениями раскладывает этюдник, ставит холст и собирается рисовать, но вдруг в тишине снова возникает неразборчивый шепот. Лёва захлопывает этюдник и садится на нижнюю ступеньку лестницы.

ЛЁВА. Клара? Зачем ты тогда это сделала, Клара? Как ты могла? Я же никогда не прощу тебя за это. Не прощу тебя уже никогда. Всё сгорело, Клара. Внутри у меня всё сгорело. Не осталось ничего. За что ты так со мной? Ты думала, каково мне было? Как мне с этим жить, думала? Может, ты думала, я как-то смогу дальше? Что будет у меня дальше?

По лестнице спускается Ларка. Ларка проходит мимо Лёвы и скучно бродит кругами, а потом открывает этюдник прадеда и рисует в нем. Лёва наблюдает за Ларкой.

ЛЁВА. Ты же знаешь, я никогда не смогу любить этого ребенка. И всех, кто до него. И за ним кто будет — тоже. Я не люблю ее и не люблю уже никогда.

Лёва встает, отстраняет Ларку от этюдника и начинает поправлять ее наброски.

ЛЁВА. Я не хочу этого. Этого не должно было случиться. Я ненавижу тебя, Клара. И город твой ненавижу.

Ларка смотрит на Лёву, а потом убегает. Лёва удивленно оборачивается и смотрит вслед правнучке.

ЛЁВА. Ларка? Ларка, стой! Куда побежала? Ларка...

Лёва наспех собирает этюдник и уходит за Ларкой — шепот стихает. На лестнице появляется Клара и садится на верхней ступеньке.

КЛАРА. Ты всегда говорил, что в этом городе закаты из твоих окон — самые красивые. Когда ты ушел, я всё думала, что ты видишь из окон своей мастерской? Ведь у нас этих закатов видно никогда не было. И мне казалось, что ты без них скучаешь по дому, где остались твоя мать и сестры. Как будто мой дом для тебя — не совсем дом. Я очень боялась, что в мастерской ты тоже не будешь видеть закатов. А когда вернешься, то поймешь, что наш дом ничем не отличается. И тогда ты уйдешь насовсем. Так что я надеялась, что из мастерской ты не видишь даже неба... Ты вернулся конечно. Но только не ко мне, а к матери. И каждый вечер я думала, что вот сейчас ты смотришь в окно и вместе с закатом, дальше, наверное, видишь мой дом, мои окна. Ты должен был видеть меня посередине этого заката. Ведь каждый вечер я сидела перед своим окном и думала о тебе... Потом я увидела твою картину. Там был дом и закат, а посередине женщина и мальчик. Я подумала, ты нарисовал меня и нашего ребенка. Подумала, зачем? Ведь рано еще, как ты знаешь, что это именно мальчик? Но ты сказал, что это твоя мать и ты. А потом пожар в мастерской, и ты уехал в Москву. Мне приснилось тогда, как будто ты мой сын — испугалась ужасно. Я ведь старалась не представлять, каким будет наш ребенок.

Сгущается пелена, появляется Юноша, в руках у него снова эскизы. Юноша рассматривает их и сверяет с тем, что его окружает, но Клара пока не видит Юношу.

КЛАРА. Я боялась, что не угадаю. Что подумаю что-то не так, и оно не получится. Так что я решила, что лучше буду представлять наших внуков. Загадала, чтобы нам с тобой вместе внуков увидеть. Потому что тогда точно получится. А если очень повезет, то мы и правнуков увидим. Только бы сердце не подвело. Но почему-то не получалось всё хорошенько представить. Рвано как-то всё. Без тебя я ничего не видела. Не видела, что будет... И закаты из твоих окон я никогда не видела тоже. В тот раз, когда я пришла, было пасмурно. Твоя мать мельком глянула на меня и отвернулась. Стала говорить с соседкой, как будто меня нет. Что она тогда сказала? «Это не наши люди». Только что это значит? Она ведь тогда еще что-то сказала... Я не помню, как ушла оттуда. Помню только, что вот я в твоём доме, а потом вечер — и я сижу перед своим окном. Вижу, как вдруг — солнце. Точнее, я даже не вижу его. Вижу только свет на стенах и крышах соседних домов. Самое начало марта, и этот свет. Кругом всё серое, а тут вдруг город как будто гореть начинает... Вот ведь глупости — я так боялась, что родов не переживу. А оказалось, и переживать нечего... У тебя ведь будет другая Клара. Нежная девочка... Светлая королева... Как ты зовешь ее? Как ты зовешь ее, Лёва?

Юноша оборачивается на имя и подходит к лестнице. Клара замечает Юношу и вскакивает.

КЛАРА. Лёва?

Юноша не видит Клару из-за пелены и отходит в сторону, снова разглядывая эскизы. Клара спускается в пелену и пытается заглянуть Юноше в лицо, но он постоянно оказывается повернутым к ней спиной. Клара хочет коснуться его плеча, но Юноша делает несколько шагов вперед. Клара сдавленно всхлипывает.

ЮНОША. Кто тебя обидел?

Юноша поворачивается к Кларе, но она спешно стирает слезы, взбегает по лестнице и останавливается наверху.

ЮНОША (ласково). Ну? Скажи мне.

Клара старается не смотреть на Юношу.

ЮНОША. Мне ты можешь сказать.

Клара резко разворачивается к Юноше и глядит на него сверху лестницы.

КЛАРА. Кто ты такой, чтобы... Чтобы...

Клара прячет лицо в ладони и снова плачет.

ЮНОША. Чтобы что?

Клара уходит, а Юноша остается на месте и смотрит на верх пустой лестницы.

ЮНОША. Чтобы что?

Клара возвращается и обходит пелену по внешнему краю. Она снова оказывается позади Юноши, который всё еще стоит у лестницы. Клара протягивает руку к пелене.

ЮНОША. Кто я такой, чтобы что?

Клара отдергивает руку и снова отворачивается от Юноши.

КЛАРА. Господи... За что ты так со мной? Разве этого я просила?

Клара уходит насовсем, и Юноша остается в пелене один.

б.

Вечер и последние отблески света сквозь пелену. Внутри с этюдником стоит Ларка. Позади нее на нижней ступеньке лестницы сидит Юноша. Ларка сосредоточенно рисует.

ЮНОША. Свет уходит. Слышишь? Уже темно. И к тому же холодно. Ты простудишься.

Ларка не оборачивается.

ЛАРКА. Нет.
ЮНОША. Пора собираться.

Ларка молчит.

ЮНОША. Зачем ты вообще пришла сюда? Место для пленэра, знаешь ли, так себе.

Ларка продолжает рисовать.

ЮНОША. Ты ведь не видишь уже ничего.
ЛАРКА. Подожди, я уже почти закончила.
ЮНОША. Оставь как есть.
ЛАРКА. Нет, мне еще чуть-чуть.
ЮНОША. Ты только всё испортишь.

Ларка на мгновение останавливается, искоса глядя на Юношу, а потом отмахивается и продолжает рисовать.

ЛАРКА. Ничего я не испорчу. Так только лучше будет.
ЮНОША. Лучше точно не будет. Сейчас вообще уже ничего не будет.
ЛАРКА. Будет. Как говорила прабабушка Клара: «Никогда так не было, чтобы как-нибудь да не было. А всегда так было, чтобы как-нибудь да было».
ЮНОША. Прабабушка Клара...
ЛАРКА. Ларушка!
ЮНОША. Почему ты всегда говоришь только о ней? У тебя ведь наверняка, как минимум, еще три прабабушки. И даже более того — у каждой прабабушки по прадедушке.
ЛАРКА. О них я всё знаю... Может, даже больше, чем мне хотелось бы.
ЮНОША. Судя по всему, о ней ты тоже знаешь всё.
ЛАРКА. В том-то и дело, что нет. Я как будто вижу ее историю целиком, ее саму как будто целиком вижу. Но детали от меня ускользают. Как будто я что-то главное постоянно упускаю... У нас дома остались ее фотографии. И совсем молодой, и потом, когда уже замуж вышла. И с детьми тоже, с внуками. В общем, на каждый ее возраст по фотографии. Но она как будто всегда одна и та же. Такой поворот головы, улыбка такая особенная, вот как у киноактрис той эпохи. И глаза эти огромные, васильковые.
ЮНОША. Васильковые?
ЛАРКА. Ну да.
ЮНОША. Как ты знаешь? Ты ведь ее не застала. Да и фотографии наверняка черно-белые.
ЛАРКА. Мне рассказывали.
ЮНОША. Кто?
ЛАРКА. Неважно... Я смотрю на ее фотографии и никак ее не разгадаю. Вроде бы так много о ней слышала, но какая она сама была, не пойму. И главное, уже не спросишь.
ЮНОША. У кого не спросишь?

Ларка продолжает молча рисовать, хотя уже совсем темно.

ЮНОША. Кто тебе рассказывал о ней?
ЛАРКА (через паузу). Мой прадед.
ЮНОША. Ты раньше не говорила о нем.
ЛАРКА. Зачем о нем говорить?
ЮНОША. Ты знала его?
ЛАРКА. Да.

ЮНОША. Повезло.

ЛАРКА. Не очень.

ЮНОША. Почему ты так говоришь?

ЛАРКА. Потому что быть правнучкой знаменитого художника — адский труд. Оно как будто... Сжигает изнутри.

Юноша вскакивает на ноги.

ЮНОША. Твой прадед был художником?

ЛАРКА. Да... Отучился в Витебске, как многие. Потом перебрался со своей матерью и сестрами в Минск. У них здесь вроде бы родственники какие-то жили. Обосновались тут, у него заказы стали появляться. Писал портреты, книги иллюстрировал, в общем, в разных направлениях работал...

ЮНОША. А как он умер?

Ларка резко поворачивается к Юноше.

ЛАРКА. Почему ты спрашиваешь?

ЮНОША. Ответь.

ЛАРКА (*через паузу*). Он умер здесь.

ЮНОША. Ну вот. А говорила, ты — не еврейка.

ЛАРКА. Я не еврейка.

ЮНОША. Как тогда твой прадед здесь погиб?

ЛАРКА. Я не сказала, что он здесь погиб. Я сказала, что он здесь умер. Это уже потом произошло. Но да, мой прадед был еврей. Только это не значит, что я — тоже еврейка. Считается же только по материнской линии. Так что с учетом смены поколений и побочного замеса крови со всех остальных сторон, я даже не знаю, кем себя считать, если честно... Белорусской, наверное. Хотя это тоже спорный момент. Я даже по-белорусски не говорю.

ЮНОША. Ты ведь художник. Какая разница, на каком языке ты говоришь?

ЛАРКА. Точно. Мне прадед то же самое всегда говорил: «Какая разница, на каком языке ты говоришь и думаешь, если ты художник. Ты же образами мыслить должна». Только это бред. Все люди образами мыслят. Это только художники почему-то думают, что они такие особенные. А они такие же как все.

ЮНОША. Но ты тоже художник.

ЛАРКА. Разве я от других чем-то отличаюсь? Или прадед мой, думаешь, отличался?

ЮНОША. Так значит, он жил и работал в Минске?

ЛАРКА. Да. Только перед самой войной он в Москву уехал. А после того, как вернулся в Минск, всю жизнь рисовал одно и то же место — это место, вот здесь. Композиция всегда одна и та же, только люди разные. Его семья... Только это такое лицемерие.

Юноша вплотную подходит к Ларке.

ЮНОША. Что? Ты разве не гордишься, что он — твой прадед?

ЛАРКА. Нечем тут гордиться.

Юноша бьет Ларку по щеке. Ларка обиженно смотрит на Юношу, а затем второпях собирает этюдник, но роняет его и садится рядом на корточки, закрыв голову руками.

ЛАРКА. Ты знаешь, я очень виновата перед ним. Я так виновата. И я уже никогда не смогу сказать ему об этом... Я специально пришла сюда. Вспомнить его хотела. Хотя лучше бы я всё забыла совсем. Тот раз лучше бы забыла... Только я помню. И всегда помнить буду. Ничем это уже не вытравлю. Это же из-за меня... Мы когда с ним сюда приходили, он всё

говорил: «Ты их слышишь? Ты слышишь? Мы их только слышать теперь можем. Мы не видим их, а они нас — видят». А я так злилась. Я всегда на него так злилась. Я приходила сюда и ничего не слышала. Только ветер. И больше ничего. Я никогда ничего не чувствовала, когда была здесь. Так и сказала ему как-то раз. А сейчас... Почему сейчас мне так больно?

Ларка смотрит на Юношу, но он отходит к лестнице и садится там на нижней ступеньке. Ларка снова собирает этюдник, вешает его на плечо и подходит к Юноше.

ЛАРКА. Пойдем. Уже темно.

Юноша не отвечает.

ЛАРКА. Пора выбираться из этой ямы. Пойдем.

Ларка берет Юношу за руку, но он вырывает свою руку и упрямо продолжает сидеть.

ЛАРКА. Пойдем... Пожалуйста, пойдем со мной. Нам пора. Пойдем.

Ларка пытается поднять Юношу, обхватив его со спины.

ЛАРКА. Пойдем! Я прошу тебя, пойдем! Ну пойдем со мной! Пожалуйста.

Юноша сбрасывает с себя Ларкины руки.

ЮНОША. Ты не можешь быть здесь! У тебя нет права на это место!

Ларка испуганно смотрит на Юношу.

ЛАРКА. Что?

Юноша вскакивает и наступает на Ларку, загоняя ее на верх лестницы.

ЮНОША. Нет у тебя этого права! Никогда не было! И не будет уже никогда!

Ларка протягивает руку ладонью вверх.

ЛАРКА. Тогда отдай мне эскизы.

Юноша смотрит на Ларку, а потом отворачивается от нее и медленно спускается по лестнице. Ларка идет за Юношей.

ЛАРКА. Отдай мне эскизы! Слышишь? Где они? Что ты с ними сделал?

ЮНОША. На них у тебя тоже нет права.

Юноша усаживается на нижней ступеньке. В пелене нарастает шепот, Ларка плачет и закрывает уши.

Сумерки, шепот стихает. Внутри пелены на верхней ступеньке лестницы сидит Клара. Снаружи, у внешнего края пелены, спиной к Кларе стоит Лёва.

КЛАРА. Зачем ты ее так обижаешь?

ЛЁВА. Она должна быть лучше.

КЛАРА. Кого, Лёва? Кого лучше? Ну? Скажи мне. Мне ты можешь сказать? Тебя лучше? Или твоих детей, внуков лучше?

ЛЁВА. Ты сама знаешь.

КЛАРА. За что ты так со мной?

ЛЁВА. А ты? Ты со мной за что так? Зачем ты тогда это сделала?

КЛАРА. Что я сделала, Лёва?

ЛЁВА. Ты сама знаешь.

КЛАРА. Отлично! Ты всегда так. Всегда и только так.

ЛЁВА. А ты думала, каково мне было? Как мне с этим жить было, думала?

КЛАРА. Ну конечно. Так же проще. Всех обвинить — прикинуться жертвой... А знаешь, кто ты?

ЛЁВА. Кто? Ну? Говори! Трусом меня хочешь назвать? Угадал? Трусом?

КЛАРА. Ты болван, Лёва.

ЛЁВА. Замолчи!

Лёва оборачивается и смотрит на верх лестницы, где всё еще сидит Клара.

ЛЁВА. Клара? Я скучаю по тебе очень. Я же приходил сюда, чтобы представить тебя. Чтобы нас представить. И не мог. Никак не мог вспомнить тебя, твое лицо. У меня ничего не осталось после тебя. Как я могу думать о тебе, если у меня ничего не осталось?

КЛАРА. Ты ведь знаешь, что тогда меня здесь не было.

ЛЁВА. Здесь мы с тобой были. До того, как я уехал. Ты разве не помнишь?

КЛАРА. Твоя мать сделала всё, чтобы я забыла. Она ведь как-то сказала мне, что у меня нет права на это место.

ЛЁВА. Зачем ты говоришь о ней так? Она теперь здесь. Они все теперь здесь. Каждый раз, когда я прихожу сюда, вместо тебя — они. Я хочу твой голос вспомнить. А слышу только их. Я не помню твой голос, Клара. Я их слышу. Я могу вспомнить голоса их всех, а твой никак не получается. Всегда только их голоса. Я же знаю, что они здесь. Что с ними здесь произошло, знаю. Знаю, что чувствовал каждый из них.

КЛАРА. Как ты можешь знать? Тебя ведь здесь не было тоже.

ЛЁВА. Они смотрят на меня, когда я прихожу сюда. Думаешь, почему я только их рисую? Я же в долгу у них, Клара. Только зачем они смотрят? Зачем они смотрят, Клара?

Лёва плачет. Клара спускается по лестнице и подходит к самому краю пелены, где стоит Лёва. Сквозь пелену Клара хочет обнять Лёву со спины, как раньше, но не может.

ЛЁВА. Клара, ты тоже считаешь меня предателем?

КЛАРА. Нет, нет. Ну что ты. Конечно нет. Ты ведь не знал, что случится. Ты не мог знать.

ЛЁВА. А она считает. И я даже сделать уже ничего не могу. И тогда ничего не смог сделать. И сейчас не могу. Не смогу уже никогда. Ларушка, ты простишь меня когда-нибудь?

КЛАРА. Лёва, да я ведь и не сердилась на тебя никогда... Только я не Ларушка. Ты забыл.

ЛЁВА. Но по ней я скучаю тоже.

КЛАРА (через паузу). Ну вот. А говорил, что не полюбишь ее уже никогда.

ЛЁВА. Но снишься мне ты, Клара.

Лёва оборачивается к Кларе, но прежде чем он видит ее, Клара исчезает. Совсем тихо.

8.

Вечер, но ясно. Лёва-старик медленно спускается с этюдником по лестнице и оглядывается назад.

ЛЁВА. Ларка, иди сюда.

На лестнице появляется Ларка и нехотя идет к Лёве.

ЛЁВА. Сегодня второе марта, ты разве забыла? Ларка, ты должна помнить. Мы все должны помнить об этом. Я весь день сегодня ждал тебя, чтобы мы могли вместе прийти сюда.

Лёва раскладывает этюдник, зажигает лампаду и начинает рисовать. Ларка ходит у Лёвы за спиной.

ЛАРКА. Дед, почему ты всегда рисуешь одно и то же?

ЛЁВА. Где твой этюдник?

ЛАРКА *(через паузу)*. Дома оставила. Темно ведь уже.

ЛЁВА. Ты должна рисовать больше. Ты постоянно должна рисовать, если хочешь быть художником.

ЛАРКА. А толку? Ну вот ты рисуешь постоянно. Только всегда одно и то же. Зачем?

ЛЁВА. Я им должен.

ЛАРКА. А прабабушку почему никогда не рисуешь? Ей ты разве ничего не должен?

Лёва молчит.

ЛАРКА. Почему ты ее никогда не рисуешь? Ты же сам говорил, она так тебя любила, так старалась всегда.

ЛЁВА. Это же совсем другое, Ларка.

ЛАРКА. Что значит «другое»? Она тоже пострадала. Концлагерь что ли не в счет?

ЛЁВА *(через паузу)*. Как ты думаешь, Ларка, что страшнее? Одна твоя прабабушка, выжившая в Освенциме, или пять тысяч евреев, которых здесь убили в сорок втором?

ЛАРКА. Разве так можно сравнивать? Ты бы еще спросил, что важнее для истории.

ЛЁВА. Но Ларка, среди этих пяти тысяч была и моя семья. Твоя семья. Разве ты не чувствуешь связи с ними?

ЛАРКА. Нет, не чувствую.

Лёва замирает и прислушивается.

ЛЁВА. Вот! Ты их слышишь? Ты слышишь? Мы их только слышать теперь можем. Мы не видим их, а они нас — видят.

ЛАРКА. Бред.

ЛЁВА. Ларка, не смей говорить так. Мы в долгу перед ними.

ЛАРКА. Но они же все умерли! Разве тебе не важнее, кто остался?

ЛЁВА. А кто остался?

ЛАРКА. Ты, например. И Ларушка тоже.

ЛЁВА. С ней мы встретились уже потом. Когда я вернулся в Минск.

ЛАРКА. В смысле вернулся? С фронта что ли? Ты же вроде не воевал.

ЛЁВА. Нет, не воевал. Я в Москву уехал. Еще до войны. Вся семья здесь осталась. Послушай, Ларка, у меня ведь жена здесь была. У нас ребенок должен был родиться. Только я уехал.

ЛАРКА. Зачем?

ЛЁВА. Я не мог здесь находиться. Не мог я здесь больше. Это невыносимо было. Я всегда не любил этот город.

ЛАРКА. Ну потом же полюбил. Когда Ларушку встретил. Или как?

ЛЁВА. Нет, не полюбил. И твою прабабушку я тоже не любил. Она об этом знала.

ЛАРКА (*через паузу*). Она поэтому так рано умерла?

ЛЁВА. Она рано умерла из-за сердца.

ЛАРКА. Почему-то я не удивлена.

ЛЁВА. В этом я не виноват, Ларка.

ЛАРКА. Как же не виноват? Ты во всем виноват. Ладно, ее не любил. Но ты и других, получается, бросил. Их ты тоже не любил?

ЛЁВА. Прости, Ларка. Я ничего не мог сделать.

ЛАРКА (*через паузу*). Предатель.

Лёва поворачивается к Ларке и молча смотрит на нее.

ЛАРКА. Ты — предатель. Как ты мог бросить их? Ну? Скажи мне. Мне ты можешь сказать? Почему ты их бросил?

ЛЁВА. Ларка, подумай хорошенько. Если бы этого не случилось, ты бы не родилась! Об этом ты не подумала?

ЛАРКА. Отлично! Ты всегда так. Всегда и только так.

ЛЁВА. Ты не понимаешь, что это было. Каково мне было. Я не мог вернуться. Война началась, как бы я вернулся?

Ларка нервно ходит кругами.

ЛАРКА. Ну конечно. Так же проще. Всех обвинить — прикинуться жертвой... А ты о них подумал? Что с ними стало, ты подумал?

Лёва не отвечает и отворачивается к этюднику. Ларка останавливается на месте и смотрит Лёве в спину.

ЛАРКА. А знаешь, кто ты? Ты трус, дед. Вот ты кто.

Лёва не оборачивается.

ЛЁВА. Иди домой, Ларка.

ЛАРКА. Ты не можешь быть здесь! У тебя нет права на это место! Нет у тебя этого права! Никогда не было! И не будет уже никогда!

ЛЁВА (*через паузу*). На сквозняке хотя бы не стой. Простудишься.

Ларка убегает. Лёва рисует еще немного, а затем неловко заваливается на бок и остается лежать. Сгущается пелена, вновь возникает шепот, эскизы Лёвы разлетаются.

Ночь и снова шепот. Внутри пелены всё еще лежит Лёва-старик, лампада рядом с ним давно потухла. К Лёве подходит Клара и трясет его за плечо.

КЛАРА. Лёва, вставай... Вставай! Зачем ты лежишь?

Лёва садится и растерянно смотрит на Клару. Клара собирает этюдник Лёвы.

КЛАРА. Лёва, ты можешь объяснить мне, что это значит?

ЛЁВА. Что именно, Клара?

КЛАРА. Вот эта фраза: «Это не наши люди».

ЛЁВА. Где ты такое услышала?

КЛАРА. Это мне твоя мать сказала.

ЛЁВА. Ты поэтому тогда так сердилась?

КЛАРА. Когда?

ЛЁВА. Тогда утром. Помнишь, мы собирались на пленэр и ты наговорила мне всякого.

КЛАРА. Да нет же, Лёва, это потом уже было. А тогда ерунда какая-то была, я уже даже не помню. Хотя нет, помню, конечно. Я ведь про ребенка с тобой всё пыталась поговорить. А у тебя опять затянулись эти твои муки творчества. Как будто они только у тебя случаются. Вот я и рассердилась.

ЛЁВА. Но мы же потом поговорили.

КЛАРА. Лучше бы мы тогда не говорили совсем.

ЛЁВА. Лучше бы этого ребенка не было совсем.

КЛАРА. Так его ведь и не было, Лёва.

ЛЁВА (*через паузу*). То есть как?

КЛАРА. Ты как уехал, он и перестал быть.

Лёва с трудом поднимается на ноги и разворачивает Клару к себе лицом.

ЛЁВА. Клара, зачем ты это сделала?

Клара отстраняется от Лёвы и снова возится с этюдником.

КЛАРА. Да я и не делала ничего. Я ничего не успела сделать. Война, Лёва... Скажи мне лучше, зачем ты тогда уехал?

ЛЁВА. Ты же знаешь.

КЛАРА. Нет, не знаю.

ЛЁВА. Из-за пожара. У меня после него ничего не осталось.

КЛАРА. А я?

ЛЁВА. Ты же сказала, что я тебе незачем.

КЛАРА. Глупости.

ЛЁВА. Я надеялся, что ты узнаешь и поедешь за мной. Ты же всегда ехала за мной, помнишь? Но в тот раз ты не поехала.

КЛАРА. Ты знаешь, почему.

ЛЁВА. Ты могла написать мне. Я бы тогда вернулся.

КЛАРА. Куда? Я ведь даже адреса твоего не знала. И ты мог вернуться в Минск всё равно.

ЛЁВА. Я хотел. Только потом поздно было. Нельзя было уже.

КЛАРА. А потом зачем вернулся? Когда всё закончилось.

ЛЁВА. Я не знал, что случилось. Я к тебе ехал. Ты разве не знала?

КЛАРА. Знала. Я только до сих пор не знаю, зачем твоя мать тогда это сказала.

ЛЁВА. Сказала что?

КЛАРА. «Это не наши люди».

ЛЁВА. Клара, разве это так важно теперь?

КЛАРА. Конечно, важно. Я ведь пришла, чтобы помочь. Когда всё началось. Подругу с собой взяла... Мы, между прочим, очень с ней рисковали. А твоя мать — вот это. Вот зачем она так сказала? Какая разница, «наши», «не наши»? Разве мне не так больно оттого, что я не еврейка? Как вообще такое сказать было можно? Я им помочь хотела. Твоих сестер забрать хотела, они ведь дети еще совсем были... У меня ведь почти получилось.

ЛЁВА. Ничего у тебя не получилось, Клара.

КЛАРА. Со всеми другими получилось.

ЛЁВА. Разве что случайно.

КЛАРА. Не говори так.

ЛЁВА. Тебе просто повезло.

КЛАРА. Не очень-то.

Клара смеется.

ЛЁВА. Разве это смешно?

КЛАРА. Совсем не смешно, Лёва. Просто я уже совсем не могу плакать. Или могу? Нет, что-то сейчас не получается.

ЛЁВА. Ты очень глупая, Клара. Зачем я только назвал ее в твою честь.

КЛАРА. Зачем ты лжешь, Лёва? Ты ведь назвал правнучку в честь твоей жены.

ЛЁВА. Да, я назвал ее в твою честь, Клара.

КЛАРА. Прекрати.

ЛЁВА. Я назвал ее в твою честь.

КЛАРА. Не смей мне лгать. Я знаю, что твоя Ларушка сказала. «Вот я умру, назовете девочку Кларой». У вас ведь так принято. Называть детей в честь умерших родственников.

Клара отдает этюдник Лёве, выходит из пелены и остается у ее внешнего края.

ЛЁВА. Да. Только она русская была. И ее звали Лариса. Она взяла имя Клара уже после концлагеря.

КЛАРА (через паузу). Поэтому Ларушка?

ЛЁВА. Да.

КЛАРА. Но зачем же менять имя? Разве Лариса звучит хуже Клары?

ЛЁВА. В память о той женщине, благодаря которой ее не повесили в первый же день. Она всю жизнь считала, что та спасла ее.

КЛАРА. Да как же спасла? Она ведь всё равно в концлагерь попала!

ЛЁВА. Но осталась жива. И всю жизнь была благодарна. Поэтому она взяла ее имя... Она взяла твое имя, Клара.

Клара и Лёва смотрят друг на друга сквозь пелену.

ЛЁВА. Теперь хоть скажи мне, зачем ты это сделала?

КЛАРА. Что я сделала?

ЛЁВА. Ты сама знаешь.

КЛАРА. Как ты смеешь? Вот сейчас как ты смеешь? Почему ты подумал, что это была я? Как ты мог подумать так? Я бы никогда этого не сделала. Я пыталась узнать, кто это был. Но так и не нашла. Я ведь даже решила, что это твоя мать. Но это была не она. Получается, что это был ты? Ты сам! Зачем ты это сделал, Лёва? Зачем ты поджег свою мастерскую?

ЛЁВА. Да я и не поджигал! Ты помнишь ту весну? Она никак не начиналась. Так холодно было... Я протопить хотел, отвлекся. На картину смотрел. Где ты и наш ребенок. А потом вдруг пожар. И я уже ничего не мог сделать.

КЛАРА (через паузу). Лёва, ты болван. Зачем ты сказал тогда, что это твоя мать и ты?

ЛЁВА. Я злился на тебя.

КЛАРА. Но ты ведь всё равно написал картину.

ЛЁВА. Но всё равно злился.

КЛАРА (*через паузу*). Можно я тогда спрошу тебя еще кое о чем?

ЛЁВА. Спроси.

КЛАРА. Из твоей мастерской было видно небо?

ЛЁВА. Только если лечь на пол. Но оно всё равно было серое.

Клара и Лёва молчат. Клара собирается уходить, но Лёва подходит к ней вплотную, хотя по-прежнему остается за пеленой.

ЛЁВА. Клара, зачем ты это сделала?

КЛАРА. Лёва, ну сколько же можно? Сделала что?

ЛЁВА. Зачем ты умерла, Клара?

КЛАРА (*через паузу*). Я не умерла. Меня убили, Лёва.

ЛЁВА. Клара, это опять сон?

КЛАРА. Нет. Это не сон, Лёва.

ЛЁВА. Почему я тогда вижу тебя?

КЛАРА. Ты так ничего и не понял, Лёва. Но это даже лучше. Пусть так и остается.

Клара уходит, Лёва остается в пелене, шепот совсем тихий.

10.

Ночь перед рассветом. Всё еще темно, колыхается пелена и очень тихо. Внутри на нижней ступеньке лестницы сидит Клара и плачет. К ней подходит Юноша.

ЮНОША. Кто тебя обидел?

Клара вскидывает голову и смотрит на Юношу.

ЮНОША (*ласково*). Ну? Скажи мне.

Клара закрывает лицо руками и мотает головой. Юноша садится рядом с Кларой и протягивает руку, чтобы стереть слезы с ее щеки.

ЮНОША. Мне ты можешь сказать.

Клара через силу улыбается и поворачивается к Юноше.

КЛАРА. Никто, милый. Никто. Всё хорошо. Теперь всё хорошо.

Клара обнимает Юношу за плечи.

ЮНОША (*через паузу*). Ты можешь мне объяснить кое-что? Если их всех убили, так значит и я умер?

КЛАРА. Ты всё неправильно понял, милый.

ЮНОША. То есть?

КЛАРА. Ты не родился.

Юноша удивленно смотрит на Клару. Клара старается не плакать.

ЮНОША. Еще нет?

КЛАРА. Нет, милый. Уже... Уже нет.

ЮНОША. И уже никогда не смогу родиться?

КЛАРА. Уже никогда... Но ты ведь это и раньше знал. С самого начала.

ЮНОША (*через паузу*). Послушай, но ты останешься здесь? Со мной?

КЛАРА. Ты останешься здесь.

ЮНОША. А ты?

КЛАРА. Ты ведь знаешь, на самом деле это я не могу быть здесь. У меня нет права на это место. Никогда не было. И не будет уже никогда. Я это только сейчас поняла, Лёва. Ведь ты тоже Лёва? И правда, как это было глупо. Думать, что это место — мое.

ЮНОША. Но как ты тогда встретишься с ним? С тем Лёвой? Ведь они все здесь. И он тоже.

КЛАРА. Мы больше не встретимся с ним. Ведь он теперь с ней должен быть. Он ведь ей нужнее. Пусть остается с Ларушкой. С другой Кларой. С нежной девочкой. Со светлой королевой.

ЮНОША. Остайся.

КЛАРА. Прости, милый. Мне пора.

Клара хочет подняться, но Юноша берет Клару за руку.

ЮНОША. Побудь со мной еще немного. Пожалуйста.

КЛАРА. Хорошо. Но только если совсем немного.

Клара и Юноша сидят на нижней ступеньке.

КЛАРА. Холодно как! Тебе не холодно?

Юноша качает головой, и Клара снова обнимает его.

ЮНОША. Весна тоже не придет уже никогда?

КЛАРА. Глупости. Придет, конечно... Ну всё. Теперь точно пора.

ЮНОША. Куда ты?

КЛАРА. Сегодня на рассвете меня не станет.

ЮНОША (*через паузу*). Тебя расстреляют? Или повесят?

КЛАРА. Я не знаю, милый. Ты только не грусти, пожалуйста. Ведь этого всего нет. И уже не будет. Уже никогда.

Клара целует Юношу в лоб, а затем поднимается по лестнице. Юноша поворачивается и смотрит на Клару. В момент когда Клара собирается уходить, становится совсем темно.

Рассвет озаряет пелену насквозь. Клары и Лёвы уже нет.

КОНЕЦ

Минск, 2020